

ББК 60.033.1

УДК 304

Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: особенности современного состояния, факторы и актуальные проблемы формирования*

С.Г. Максимова, Г.С. Авдеева, О.Е. Ноянзина, Д.А. Омельченко, Н.Ю. Атысова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Civil and Ethnic Identity of Population in Bordering Regions of Russia: Peculiarities of Contemporary Condition, Factors and Topical Problems of Formation

S.G. Maximova, G.S. Avdeeva, O.E. Noyanzina, D.A. Omelchenko, N.Yu. Atyasova

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье дается характеристика актуального состояния гражданской и этнической идентичности населения России. Отмечается, что в настоящее время наблюдается тенденция к актуализации этнической идентичности у жителей приграничных регионов страны. Данный процесс обусловлен широким спектром факторов глобального, странового и регионального уровня. Авторы заключают, что современные глобальные процессы, а также особенности социально-экономического положения приграничных регионов и действий политических элит способствуют усилению этнических аспектов идентичности россиян, что создает угрозу для национальной и социальной безопасности. Подчеркивается, что формирование «общероссийской» гражданской идентичности, обеспечивающей консолидацию населения страны на основе разделения общих ценностей и приоритетов, является необходимым условием сохранения суверенитета и целостности страны. В то же время низкий уровень институционального доверия и современные социально-экономические проблемы приводят к тому, что жители приграничных регионов видят в этнической идентификации более эффективный инструмент социальной адаптации.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, факторы формирования идентичности, проблемы социальной безопасности в приграничном регионе.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.1-34

The article characterizes the present condition of civil and ethnic identity of Russian population; allocates the tendency to the actualization of ethnic identity among residents of bordering territories. The given process is caused by a wide spectrum of factors on the global, country and regional level. The authors conclude that contemporary global processes, peculiarities of social-economic condition and political elite actions promote to the strengthening of ethnic aspects on Russians' identity which threatens national and social security. The Formation of the "all-Russian" civil identity, providing consolidation of population basing on common values and priorities, is the necessary condition of preserving sovereignty and totality of the country. At the same time, a low level of institutional trust and social-economic problems results in strengthening of ethnic identification as the most effective instrument of social adaptation.

Key words: ethnic identity, civil identity, factors of forming of identity in bordering region.

* Статья опубликована при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Отличительной особенностью политического и социального развития современной России выступает активизация процессов этнической дифференциации. Многие российские исследователи подчеркивают, что этническая и региональная идентичности россиян сегодня являются доминирующими и определяют характер общественно-политических отношений в большей мере, нежели общегражданская идентичность [1–3]. Данная ситуация обусловлена сложным комплексом факторов, действующих на глобальном, общероссийском и региональном уровне.

Такие проявления глобализации, как институционализация международных политических структур, интеграция национальных экономик, распространение унифицированной массовой культуры, усиление миграционных потоков, неизбежно приводят к разрушению территориальных и социокультурных границ, ранее служивших маркерами этнической идентичности. Закономерным следствием этого становится активизация «локального» этнического и религиозного самосознания населения. Осознавая проблему «размывания» своего этноса, этнические сообщества предпринимают попытки сохранить свою культурную уникальность, привычный жизненный уклад и социальные практики за счет территориального обособления, возвращения к традиционным видам хозяйствования, укрепления позиций родного языка, принятия «ограничительных» административно-правовых норм [4].

Особую остроту проблема формирования этнической и гражданской идентичности у населения приобретает в приграничных регионах России, располагающихся «на стыке» географических, политических, экономических, этнокультурных и конфессиональных границ. По замечанию Н.М. Межевича, границы фактически задают, формируют территориальные сообщества. Они выступают необходимой для самоидентификации приграничного населения «точкой опоры» [5]. В.А. Колосов также отмечает высокую контрастность социальных представлений (противопоставление «мы» и «они»), характеризующих разделяемые границей территории, культурные, этнические, лингвистические ареалы [6–8]. В частности, по этой причине взаимоотношения некоторых этносов, проживающих на приграничной территории, могут отличаться выраженной конфликтностью. Большое значение при этом имеет выраженность «этнических» границ: чем актуальнее для населения идентификация со своей этнической группой, тем выше риск возникновения межэтнического противостояния [9]. Значимую роль в детерминации особенностей межэтнического и межнационального взаимодействия на границе играет история взаимодействия соседствующих народов и этносов в прошлом [10]. Следует отметить, что характерные черты этнического самосознания жителей ряда российских регионов во многом являются

отсроченной во времени реакцией на национальную политику советского государства, способствовавшую возникновению этнократических режимов на территории страны. В ряде российских регионов этническая принадлежность сегодня также служит латентным обоснованием неравного доступа тех или иных субъектов или групп населения к властным и административным ресурсам [11].

Нельзя не учитывать и того, что с момента окончания Гражданской войны по середину 1950-х гг. большое распространение в СССР получила такая репрессивная практика, как внутренняя депортация определенных этнических групп (наряду с депортацией по социально-экономическому признаку). Насильственной депортации (преимущественно в Сибирь и Среднюю Азию) подверглись представители более 60 национально-этнических групп [12]. Закономерным следствием этого явилось формирование комплекса «этнической обиды» и развитие радикальных националистических движений как среди депортированных народов, так и среди населения регионов, принимавших поток вынужденных иноэтнических мигрантов. Широкое обнародование информации об этнических репрессиях произошло лишь в 1990-е гг. Таким образом, представители народов, пострадавших в результате сталинской политики, были вынуждены длительное время жить в условиях официального отрицания и замалчивания данных фактов.

Однако тесное соседство разных этнических групп уже само по себе способно порождать психологическую напряженность [13]. Межэтническая коммуникация может быть затруднена в силу определенных культурных различий на уровне картины мира, иерархии ценностей и норм, поведенческих паттернов.

Важно отметить, что население приграничных территорий является полиэтничным, в том числе по причине активизации международных миграционных процессов. Для России наибольшее значение в этом плане имеет трудовая (в том числе нелегальная) миграция граждан из стран СНГ, а также Китая [14–15]. Исследователи отмечают, что сегодня безопасность российских границ обеспечивается наличием экономического сотрудничества России и ее «соседей», а также наличием латентных политических «договоренностей», например, предполагающих экономическую помощь в обмен на стабильность в приграничных регионах сопредельных государств [16]. Ряд исследований подтверждает факт экономического противостояния этнических групп, населяющих приграничные регионы [17–18]. Поскольку миграция в другую страну является стрессовой ситуацией, это обуславливает высокий уровень этнической консолидации мигрантов. Так, С.В. Рязанцев полагает, что этническая сплоченность может быть охарактеризована как «своеобразный внутриобщинный иммунитет, воз-

никающий в условиях, когда этническая группа оказывается в результате миграции меньшинством» [19]. Особенно ярко процессы этнической консолидации проявляются в малочисленных группах иноэтничных мигрантов, проживающих компактно.

Наряду с этим наблюдается достаточно существенное изменение этнического состава населения приграничных регионов России. На основе анализа данных Всеобщей переписи населения Российской Федерации Л.Б. Кристалинским была выявлена тенденция постепенного сокращения численности русского населения в приграничных регионах [20]. По мнению автора, указанный процесс способен оказывать «достаточно заметное влияние на возможность реализации интересов государственной безопасности России в пограничном пространстве» [20]. Это обусловлено тем, что русское население чаще разделяет ценности общероссийской гражданской идентичности, чем представители нетитульных народов России. По замечанию Л.М. Дробижевой, «у русских восстановление государственно-гражданской идентичности [после распада СССР] в сравнении с другими народами России шло быстрее, а, главное, она становилась более выраженной» [21]. Это связано с тем, что русское население более склонно идентифицировать себя с государственными политическими институтами, самоопределять себя через принадлежность российскому государству [22]. Однако удаленность от политического центра страны и полиэтничность приграничных территорий делают государственную, общероссийскую идентичность менее значимой для населения в сравнении с этнической идентичностью, тесно сопряженной с местом проживания [23]. Исследования В.А. Авксентьева и Б.В. Аксюмова, в частности, показали, что в приграничных регионах юга России этническая идентичность является доминирующей [1]. Таким образом, приграничье характеризуется более выраженными рисками социально-политической нестабильности в силу более высокой латентной этнической конфликтности.

Несмотря на то что в научном дискурсе не подвергается сомнению возможность гармоничного «существования» гражданской и этнической идентичности в сознании субъекта, эмпирические исследования показывают наличие обратных взаимосвязей между показателями указанных типов идентичности. Так, по мнению Е.В. Ереминой, «в условиях ослабления или кризиса общегражданской идентичности регионально-этническая идентичность может составить ей конкуренцию и, получив политический оттенок, поставить под угрозу целостность страны» [24, с. 217]. Оптимальным с точки зрения обеспечения национальной и социальной безопасности РФ являлось бы такое взаимодействие гражданской и этнической идентичностей, при котором осознание своей принадлежности к этносу сочеталось бы с ощущением общности,

солидарности с гражданами своего государства [25]. Современными российскими политиками и исследователями признается необходимость формирования российского «суперэтноса», базирующегося на некой наднациональной или надэтнической самоидентификации граждан. В данной социально-политической концепции заложена идея возможности синтеза этнической, государственной (принадлежность к государству) и гражданской (солидарность с согражданами, жителями одной страны) идентичностей на основе разделения общих ценностей и интересов. В числе основных условий данной трансформации социальной идентичности россиян Л.М. Дробижева называет высокий уровень доверия политическим институтам, прежде всего государству, равенство всех граждан перед законом, осознание в обществе важности наднациональной идентичности для обеспечения достойного будущего своей страны [25]. Нетрудно увидеть, что указанные условия не вполне отвечают современной ситуации в стране. По этой причине формирование общероссийской гражданской идентичности требует инициирования определенных изменений как в системе социальных представлений, так и в деятельности политических институтов и других акторов, участвующих в формировании гражданского самосознания личности.

Большинство исследователей, занимающихся проблемами гражданской идентичности, сходятся в том, что данный процесс должен быть целенаправленным, контролируемым, инициируемым «сверху», другими словами, осуществляться благодаря воле политических лидеров [26]. В связи с этим слабость, неустойчивость общегражданской идентичности в современной России некоторые авторы объясняют спецификой позиции политической и интеллектуальной элит, призванных создать «национальную идею», то есть тот смысловой концепт, который способен объединить нацию. Так, Р.Р. Каримов отмечает, что российские политические элиты привержены «традиционной этатистской модели коллективной идентичности», которая предполагает «сильную централизованную авторитарную власть, управляющую обществом директивными и мобилизационными методами» [27]. Что касается другого субъекта создания гражданской идентичности — интеллектуальной элиты, то она находится в экономической и идеологической зависимости от власти (там же). Данная ситуация выступает результатом сохранения ряда институциональных особенностей, характерных для советского режима.

Основным инструментом конструирования гражданской идентичности сегодня выступают СМИ, прежде всего телевидение. Но с помощью масс-медиа происходит не формирование новой российской идентичности, а реконструкция в соответствии с современными политическими и социально-экономическими условиями советской идентичности [28–29].

Другим фактором формирования гражданской идентичности выступает образование и, в частности, изменение содержания учебных программ. Новая «правильная» интерпретация исторических фактов также направлена на легитимацию позиции политической элиты и солидаризацию населения за счет формирования концепции «наднационального», общероссийского прошлого [27].

Не все исследователи признают конструирование государственной идентичности «сверху» эффективной стратегией создания «русской нации». Так, М.Г. Горшков характеризует попытки властных структур «выстраивать» гражданское общество «парадоксальными и абсолютно непродуктивными» [30]. Исследователь отмечает, что, несмотря на официальные заявления, «права человека и гражданина по-прежнему остаются на периферии массового сознания и общественных практик, равно как и практической деятельности власти» (там же). Однако правовая защищенность граждан выступает одним из важнейших условий формирования у них институционального доверия, а следовательно, и гражданской идентичности. Результаты исследований Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ, в частности, показывают, что уровень доверия граждан политическим институтам связан с ощущением своей «принадлежности» государству [31]. П.М. Козырева и А.И. Смирнов отмечают, что дефицит институционального доверия препятствует интеграционным процессам в российском обществе [32].

Препятствует формированию гражданской солидарности и характерное для современной России социальное неравенство [30]. Значительный разрыв в уровне благосостояния, доступности социальных

благ подрывает ощущение сопричастности граждан общенациональным целям, вызывает социальную напряженность и конфликтность (там же). Эта отмечаемая многими исследователями политическая и гражданская пассивность россиян отражает неспособность увидеть в государстве как таковом инструмент реализации и защиты своих интересов [33].

Таким образом, современная ситуация формирования гражданской и этнической идентичности населения приграничных регионов России выступает результатом воздействия сложного комплекса факторов, действующих на глобальном, страновом и региональном уровне. «Этнизация» сознания жителей приграничья способствуют внешние глобальные угрозы, усиление миграционных потоков, мифологизация исторического прошлого, политическая риторика и социально-экономические проблемы, такие как стагнация экономики, низкий уровень жизни, безработица. Гражданская идентичность в современной России выступает преимущественно объектом политического конструирования. В этом процессе задействуются разнообразные ресурсы политического, экономического, информационного и культурного влияния. Однако в силу выраженного дефицита институционального доверия этническая принадлежность все чаще выступает основанием консолидации жителей приграничных регионов. Этому способствует также то, что влияние политического «центра» на периферии ослаблено, тогда как постоянное столкновение населения приграничья с «иными» культурными установками и паттернами поведения актуализирует потребность в этнической самокатегоризации. Решение данной проблемы возможно лишь при условии обеспечения правовой, экономической и социальной защищенности населения приграничных российских регионов.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социс. — 2010. — №12.
2. Еремина Е.В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. — 2012. — №5.
3. Исмагилов Н.Н. Проблема региональной идентичности в российском социокультурном пространстве // География и природные ресурсы. — 2009. — №3.
4. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / пер. с англ. В.В. Сапова и др. — М., 2004.
5. Межевич Н.М. Русские в Принаровье: от консорции к конвиксии [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levgumilev.spbu.ru/node/184>.
6. Колосов В.А. Теоретическая лимнология: новые подходы // Международные процессы. — 2003. — №3.
7. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Патриотическая идентичность и националистические взгляды молодежи: две грани одной реальности // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (Казань, 25–27 сентября 2014 г.). — Казань, 2014.
8. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Трофимова Р.А., Удоденко А.А. Образ «другого» как структурный компонент национальной идентичности: конструктивистская парадигма // Известия Алт. гос. ун-та. — 2014. — №2/2. DOI:10.14258/izvasu(2014)2.2-48.
9. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантно-

сти в поликультурных регионах России // Толерантность в межкультурном диалоге. — М., 2005.

10. Колосов В.А. Феномен государственной границы // Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / под ред. В.А. Колосова, О.И. Вендиной. — М., 2011.

11. Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. — 2007. — №5.

12. Ткаченко А.А. История депортации народов России // Российский демографический журнал. — 2002. — №1.

13. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. — М., 1998.

14. Дубовицкая К.А., Гордеев В.А. Внешняя миграция как фактор динамики конкуренции на рынке труда в РФ // Теоретическая экономика. — 2014. — №3.

15. Зайончковская Ж.А. Транзитная миграция в странах СНГ: сравнительные перспективы // Транзитная миграция и транзитные страны. Теория, практика и политика регулирования / под ред. И. Млодиковой и Ф. Дювеля. — М., 2009.

16. Ивахнюк И., Дауров Р. Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски // Миграция и национальная безопасность. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. — М., 2003. — Вып. 11.

17. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Максимов М.Б. Миграционные процессы и социально-экономическая безопасность приграничных регионов России // Вестник Алт. гос. аграрн. ун-та. — 2013. — №11.

18. Гончарова Н.П., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Тарасова Е.В., Авдеева Г.С. Нелегальная трудовая миграция как риск социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского края: методология и методика исследования // Вестник алтайской науки. — 2013. — №1.

19. Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. — 2000. — №5.

20. Кристаллинский Л.Б. Пограничное пространство России: современные особенности и динамика изменения этнического состава [Электронный ресурс]. — URL: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/New%20Folder/Kristalinsky.pdf>.

21. Дробижина Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. — 2010. — №12.

22. Гудков Л.Д. Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации // Куда идет Россия? — М., 1994.

23. Методика этнографического изучения приграничного пространства // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика : сборник научных статей. — Смоленск, 2011.

24. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. — 2011. — №3.

25. Дробижина Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся : ежегодник. — Вып. 7. — М., 2008.

26. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т.Г. Стефаненко. — М., 2001.

27. Каримов Р.Р. Общенациональная идентичность в постсоветской России: от «советского человека» к «россиянину» // Евразийский юридический журнал. — 2012. — №11(54).

28. Егорова А.Г. Средства массовой информации в современном политическом процессе: равноправные участники или безвольный инструмент? // Молодой ученый. — 2013. — №7.

29. Муликова Н.А. Роль средств массовой коммуникации в формировании общероссийской идентичности и гражданского патриотизма // Современные исследования социальных проблем. — 2012. — №10 (18) [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-sredstv-massovoy-kommunikatsii-v-formirovanii-obscherossiyskoy-identichnosti-i-grazhdanskogo-patriotizma>.

30. Горшков М.К. Социальные основы формирования гражданской нации в современной России // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. — М., 2011.

31. Чувазов С.В. Межрегиональный анализ гражданской идентичности и экономического поведения // Альманах современной науки и образования. — 2012. — №12.

32. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. — 2014. — №5.

33. Кожина Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект // Проблемы развития территории. — 2013. — №3 (65).